

ПОЛИТИА

Н. П. Рыжова

«ПОЛИТИКА ОТКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ» В ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНАХ КНР¹

¹ Статья подготовлена при поддержке Программы исследовательских стипендий Корпорации Карнеги (Нью-Йорк), реализуемой Национальным советом евразийских и восточноевропейских исследований (NCEEER) в Вашингтоне. Точка зрения, изложенная в статье, может не совпадать с точкой зрения Корпорации Карнеги и NCEEER.

² Договор 2001.

³ Рассчитано по: Внешнеэкономическая деятельность 2007: 6; Амурская область 2007: 14.

⁴ См., напр. Заседание 2005.

⁵ См. Минакир 2006: 639.

Россия и Китай продолжают развивать отношения «добрососедства, дружбы, сотрудничества, равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия»². Товарооборот между двумя странами неуклонно растет. Однако участие российских регионов в этом процессе все еще очень невелико. В силу высокого уровня централизации внешнеторговой деятельности доля Москвы в торговле с Китаем достигает почти 50%, в то время как доля Хабаровского края, имеющего общую с КНР границу, составляет всего 7,6%, а доля Амурской области — около 1%³. Другими словами, значительная часть взаимной торговли, а следовательно, и сопряженных с нею выгод оказывается сосредоточена в центре, что негативно сказывается на развитии приграничных регионов, препятствуя наращиванию ими своего экономического потенциала, консервируя их отсталость и депрессивность.

Угрозы, которыми чревато такое положение вещей, похоже, еще слабо осознаются в России. Обсуждение возможности создания «пояса добрососедства» по периметру границ идет крайне вяло и преимущественно в духе традиционного понимания безопасности, предполагающего доминирование силовых ведомств, мало заинтересованных в усилении трансграничных взаимодействий⁴. Видимо, поэтому фактически отсутствует и нормативная база для таких взаимодействий. Принятая в 2001 г. Концепция развития приграничного сотрудничества в Российской Федерации, по сути, существует только на бумаге ввиду неразработанности механизмов ее реализации. Не способен кардинальным образом изменить ситуацию и действующий с 2005 г. закон о свободных экономических зонах — перспектива создания подобных зон в большинстве граничащих с Китаем субъектов РФ очень невелика.

В связи с этим крайне интересным представляется опыт Китая, еще в конце 1980-х годов взявшего курс на развитие приграничного сотрудничества путем формирования особых условий хозяйствования в приграничных зонах и достигшего заметных успехов на этом пути. Конечно, наличие зависимости между созданным в КНР «поясом открытости» и региональным экономическим ростом еще требует доказательств. Но все углубляющийся разрыв между экономическим потенциалом китайских и российских приграничных регионов не вызывает сомнений⁵. Нарращивая экономические «мускулы», приграничная

провинция Хэйлунцзян все больше выигрывает от взаимной торговли с сопредельными российскими регионами.

Не претендуя на всесторонний анализ китайской региональной политики и ее влияния на приграничные территории, в настоящей статье я попытаюсь показать, почему и как осуществлялась политика «открытых дверей» в приграничных регионах КНР. Структурно статья делится на две части: в первой рассматриваются причины, побудившие китайское руководство пойти на формирование «приграничного пояса открытости», во второй — основные направления реализации этого курса.

**«Приграничный
пояс открытости»
как путь
к преодолению
региональных
диспропорций**

Реформирование сферы внешней торговли, начатое в Китае в конце 1970-х годов, не предполагало тотальной и мгновенной либерализации внешнеэкономической деятельности. Реформы осуществлялись чрезвычайно осторожно и были растянуты во времени и в пространстве. Новые механизмы хозяйствования первоначально опробовались в нескольких городах (районах), подготовленных к их использованию предшествующими реформами, и только потом распространялись на другие регионы.

Первая «специальная экономическая зона» была учреждена в 1979 г. в Шэньчжэне, затем аналогичные зоны появились в Чжухае и Шаньтоу (провинция Гуандун), Сямэне (провинция Фуцзянь) и на острове Хайнань. Убедившись в успешности этой стратегии, в апреле 1984 г. реформаторы «открыли» все крупные портовые города страны — Далянь, Циньхуандао, Тяньцзинь, Яньтай, Циндао, Ляньюньган, Наньтун, Шанхай, Нинбо, Вэньчжоу, Фучжоу, Гуанчжоу, Чжаньцзян и Бэйхай⁶. В феврале 1985 г. к этому списку добавились открытые экономические зоны в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, в южной части провинции Фуцзянь, на Шаньдунском и Ляодунском полуостровах, а также в Гуанси-Чжуанском автономном районе (ГЧАР). Эти меры дали очень быстрый эффект: уже в 1986 г. в прибрежных провинциях генерировалось более половины национального богатства страны, и эти показатели были достигнуты отнюдь не за счет экспорта (см. табл. 1).

⁶ Здесь и далее при написании названий китайских городов использована транскрипция, предложенная на сайте «Партнеры» (<http://russian.northeast.cn>).

Таблица 1 Вклад регионов Китая в формирование национального богатства в 1986 г.

Регион	ВРП (в %)	Экспорт (в %)	Экспорт в % к национальному доходу
Восточное побережье	52	77	13
Центр	32	17	5
Запад	16	5	3

Рассчитано по: China Yearly Provincial Statistic (www.chinadatacenter.org)

Переход Китая к политике «открытых дверей» осуществлялся на фоне перестройки бюджетной системы и механизма ценообразования. Суть этих реформ уже неоднократно описана⁷, поэтому я остановлюсь здесь лишь на некоторых их региональных эффектах.

⁷ См., напр. *Simon, Hong Pyo Lee 1995; Минакир 2001; Портяков 2002.*

⁸ *Simon, Hong Pyo Lee 1995: 235—242.*

⁹ *Ibid.: 242—247.*

¹⁰ *Zha Yanyu 1992: 1—9.*

¹¹ *Simon, Hong Pyo Lee 1995: 244.*

1. Отказ от принципа «есть из одного котла» как основы построения бюджетной системы в пользу принципа «питаться на разных кухнях» спровоцировал занижение провинциями своих бюджетных доходов. Особенно четко данная тенденция проявилась в провинциях, где действовала система «фиксированной суммы ежегодного дохода», поскольку при уменьшении собственных доходов они получали дополнительные средства из центрального бюджета⁸.

2. Реформа ценообразования, «отпустившая» цены на готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью при сохранении фиксированных цен на сырье, привела к оттоку средств из ресурсодобывающих внутренних провинций. В частности, провинция Хэйлунцзян только за 1 квартал 1993 г. потеряла 1,3 млрд. юаней. Стремясь остановить «бегство капитала», «отстающие» регионы стали создавать на своих территориях перерабатывающие заводы и фабрики, ограничивая продажу ресурсов другим провинциям и тем самым закрывая путь к специализации. Следуя политике «сами добываем, сами перерабатываем и продаем», богатый ресурсами Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), например, построил у себя 25 текстильных фабрик. В 27 из 30 китайских провинций было налажено производство цветных телевизоров, в 26 — стиральных машин, в 23 — холодильников⁹. Региональная промышленная структура становилась все более гомогенной, что негативно сказывалось на качестве производимой продукции и снижало конкурентоспособность КНР на внешних рынках¹⁰.

3. Власти провинций стали устанавливать внутренние торговые барьеры, затруднявшие ввоз товаров с высокой добавленной стоимостью и вывоз сырья. Так, при перевозке 10 тонн апельсинов и лимонов из провинции Сычуань в Харбин торговец должен был по пути их следования заплатить 4 тыс. юаней налогов. По всей стране начались «ценовые войны» — «табачная» в провинции Юньнань, «шерстяная» между внутренними и прибрежными провинциями и т.д.¹¹

Таким образом, политика «открытых дверей», бюджетная децентрализация и реформа цен, стимулировавшие развитие прибрежных провинций, резко усилили региональные диспропорции в развитии КНР. Отставание приграничных провинций впечатляло: вклад Автономного района Внутренняя Монголия (АРВМ), провинции Юньнань, СУАР и ГЧАР в формирование национального дохода не превышал 2%. На этом фоне не замедлили проявиться и внутривластные проблемы (студенческие выступления на площади Тяньаньмэнь в июне 1989 г., рост протестного потенциала в СУАР). О том, что выравнивание экономического развития провинций является задачей, которую нужно

решать незамедлительно, сигнализировал и распад СССР в 1991 г. Одним из конкретных шагов в этом направлении стало формирование «приграничного пояса открытости».

**Политика
«открытых
дверей»
в приграничных
регионах**

Для формирования «пояса открытости» в приграничных регионах был использован целый ряд институциональных механизмов. Возобновили работу «открытые порты» (таможни), не действовавшие в период изоляции Китая, причем число их значительно возросло; стали создаваться приграничные *торговые* зоны и зоны экономического сотрудничества; некоторым городам был присвоен статус «открытых». Так, в СУАР, граничащем с восемью странами, появилось 8 приграничных торговых зон и более 40 таможен. В провинции Юньнань было создано 17 приграничных торговых зон; в ГЧАР — 20, в провинции Хэйлунцзян — 9¹².

¹² *Ibid.*: 252—253.

При всем разнообразии институтов, задействованных при формировании «приграничного пояса открытости», его основу составили открытые приграничные города и созданные в них свободные *экономические* зоны. Первыми (в июне 1991 г.) статус «открытых» получили города Хэйхэ, Суйфэньхэ (провинция Хэйлунцзян), Хуньчунь (провинция Цзилинь) и Маньчжоули (АРВМ), расположенные на границе с Россией. В августе 1992 г. «открытыми» стали Эрэнхот (АРВМ) на границе с Монголией; Тачэн, Болэ, Инин (СУАР) — на границе с Казахстаном; Хэкоу (провинция Юньнань), Пинсянь, Дунсин (ГЧАР) — на границе с Вьетнамом; Вандин и Жуйли (провинция Юньнань) — на границе с Бирмой. Чуть позже к этому списку добавился Дандун (провинция Ляонин) — на границе с КНДР (см. *табл. 2*). Кроме того, в период с августа 1992 по март 1993 г. «пояс открытости» был укреплен административными центрами семи приграничных провинций — ГЧАР (г. Наньнин), Юньнань (г. Куньмин), СУАР (г. Урумчи), АРВМ (г. Хух-Хото), Хэйлунцзян (г. Харбин), Цзилинь (г. Чанчунь) и Ляонин (г. Шеньян).

¹³ *Основной массив информации, использованной при написании этого раздела, был взят из международной базы данных «NewsBank. Access World News», а также из русскоязычного интернета (включая казахстанские источники) и периодических изданий Амурской области.*

Анализ сообщений информационных агентств¹⁴ и сопоставление их с результатами исследований конкретных приграничных провинций позволяют выделить совокупность методов и подходов, обусловивших эффективность региональной политики Китая. Прежде всего следует отметить, что эта политика не сводилась только к выстраиванию набора экономических институтов, но включала *создание благоприятного внешнеполитического климата, разрешение приграничных споров* (соответствующие соглашения были подписаны, в частности, с Россией, Казахстаном и Вьетнамом), *установление взаимного доверия* и т.д.¹⁴ Ведь до перехода к политике «открытых дверей» Китай находился почти в полной экономической изоляции, большинство его наземных границ имело спорные участки, а отношения с соседними странами были напряженными.

¹⁴ *Scalpio 1991: 63—74.*

Таблица 2 Приграничные открытые города

Провинция	Город	Сопредельный город / поселок
Хэйлунцзян	Хэйхэ	Благовещенск (Амурская область, РФ)
	Суйфэньхэ	пос. Пограничный (Приморский край, РФ)
Цилинь	Хуньчунь	пос. Краскино (Приморский край, РФ), а также порт Раджин (КНДР)
АРВМ	Манчжоули	пос. Забайкальск (Читинская область, РФ)
	Эренхот	Замын-Удэ (Монголия)
СУАР	Инин	Джаркент (Казахстан)
	Тачэн	Бахты (Казахстан)
	Болэ	Достык (Казахстан)
ГЧАР	Пинсян	Дундан (Вьетнам)
	Дунсин	Мунь Цхай (Вьетнам)
Юньнань	Хэкоу	Лао Цхай (Вьетнам)
	Жуйли	Мусхе (Бирма)
	Вандинг (Вантинг) ¹⁵	Цзигу (Бирма)
Ляонин	Дандун	Синьюицзи (КНДР)

¹⁵ В феврале 1999 г. Вандинг перестал существовать как административная единица, став частью Жуйли.

Источники: *Cross-Border Diaries. Bulletin on West African Local-Regional Realities. 2007. № 7; Sino-Vietnam Trade Network (<http://www.en.sinoviet.com>); Российско-китайское торгово-экономическое сотрудничество (<http://www.crc.mofcom.gov.cn>); China International Electronic Commerce Center (<http://www.chinainvest.com.cn>); Агентство Тяньшаньнет (<http://russian.xjts.cn>); Посольство КНР в РФ (<http://www.russia.org.cn>); Китайский информационный интернет-центр (<http://russian.china.org.cn>).*

Политическая нормализация шла одновременно с экономическими переговорами, важное место в которых отводилось развитию *инфраструктуры*, в первую очередь строительству *дорог и мостов*. Вопрос о сооружении или реконструкции моста поднимался в переговорах практически со всеми сопредельными странами. Так, в 1990-х годах был, в частности, восстановлен мост, некогда обслуживавший приграничную торговлю между Китаем и Вьетнамом, но разрушенный во время китайско-вьетнамской войны 1979 г. Обсуждалась возможность строительства моста в районе Эренхота (на границе с Монголией), Хэйхэ (на границе в России), Дандуна (на границе с КНДР). Реализация подобных проектов позволяла Китаю наращивать свое экономическое влияние на прилегающих к границам территориях соседних государств.

Политика «открытых дверей» сопровождалась активной *пропагандой*, направленной не только «вовне», но и «вовнутрь». Обосновывая правильность выбранного ими курса, китайские руководители делали упор на то, что его реализация даст возможность приграничным регионам сравняться с наиболее развитыми южными провинциями по уровню благосостояния и экономического роста. «Эренхот станет для Северного Китая тем же, чем Шэньчжэньская специальная экономическая зона стала для Южного», — обещал населению АРВМ в 1984 г. генеральный секретарь ЦК КПК Ху Яобан¹⁶. «На юге — Шэньчжэнь, на севере — Хэйхэ. Это — два крыла, которые помогут лететь», — убеждал он в том же году жителей Хэйлунцзяна¹⁷. Другой пример работы пропаганды — широкое освещение достигнутых приграничными городами успехов. В Китае не осталось захолустных городов, — утверждают китайские источники¹⁸. И с этой оценкой согласны многие внешние наблюдатели¹⁹. Конечно, как показывают статистические данные, до уровня Шэньчжэня китайским приграничным городам еще очень далеко, однако по многим экономическим и социальным показателям их отставание от него заметно сократилось.

¹⁶ Green 1986: 1360.

¹⁷ Ларин 2000.

¹⁸ <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN/channel333/7/200606/07/20018.html>.

¹⁹ См., напр. Интервью б.г.

²⁰ Пань Цюаньфу 2006; Савкович б.г.

²¹ См. Scalapino 1991/1992.

Китайская политика «открытости» строится на принципах, вытекающих из *концепции взаимодополняемости* хозяйственных комплексов приграничных областей сопредельных стран²⁰, представляющей собой своеобразную модификацию идеи Р.Скалапино о «естественной экономической территории»²¹ (хотя последним рассматривались более крупные образования, нежели приграничные регионы). При этом Китай хотел бы получать от соседей главным образом сырье, поставляя им взамен готовую продукцию, а также трудовые ресурсы, капитал и технологии.

²² Северо-Восточный Китай 2005: 57—58.

²³ Womack 1994.

На первых этапах развитие подобной взаимодополняемости осложнялось тем, что приграничные территории, вовлекаемые в интеграционный процесс, зачастую мало чем отличались друг от друга как по природно-ресурсному потенциалу, так и по структуре экономик. Например, провинция Хэйлунцзян и граничащая с ней Амурская область имели аграрную специализацию²², в экономике приграничных регионов по обе стороны вьетнамско-китайской границы ключевую роль играла легкая промышленность²³ и т.д. Однако по мере того как приграничные территории сопредельных стран принимали китайскую стратегию взаимодополняемости, она действительно становилась актуальной.

²⁴ Ibid.: 495—512; Seekins 1997: 525—539; Некон 2005: 82.

В начале 1990-х годов Китай вывозил в прилегающие к его границам регионы одежду, обувь, посуду, мелкую бытовую утварь; затем стал расти экспорт продовольствия (при расширении его номенклатуры); в последние годы все большее место в экспорте занимают машины и оборудование. Ввозят же китайские провинции различные виды сырья: лес, жемчуг, поделочные камни — из Бирмы, минеральное и химическое сырье — из Вьетнама, лес, уголь, металл, химические удобрения — из России, лес и металлолом — из КНДР²⁴.

Одним из наиболее значимых для приграничных городов инструментов реализации политики «открытости» являлось стимулирование *приграничной торговли*, в том числе в виде приграничных «базаров», бартера, «народной торговли» и т.д. Многие китайские эксперты считают такие формы торговли не менее важными, чем торговлю государственную или региональную. Сравнивая «государственную, народную, приграничную, региональную торговлю и шоп-туризм... с армией, ведущей боевые действия силами нескольких фронтов», они подчеркивают, что к ним нужно относиться «с одинаковым вниманием, развивать их во взаимодействии»²⁵.

²⁵ Сунь Хуэйцзюнь 2002. См. также Beijing Zhongguo Xinwen She. 17.05.2003.

²⁶ Сунь Хуэйцзюнь 2002.

Приграничные рынки («базары») начали создаваться или восстанавливаться по всему периметру китайских границ еще в конце 1980-х годов — поскольку эта форма торговли является традиционной для восточных обществ, ее проще всего было возродить²⁶. В 1990-е годы огромную роль в приграничной торговле играл бартер, в начале десятилетия — на российско-китайской границе, в середине — на китайско-казахстанской и китайско-бирманской (в настоящее время он широко используется преимущественно на китайско-корейской границе). Но тем рычагом, который обеспечил быстрое развитие приграничной торговли, стала так называемая «народная торговля» — доставка мелких партий товаров по туристическим каналам в обход таможенных барьеров.

«Народная торговля» стимулировала интенсивный миграционный обмен между приграничными территориями, породивший немалые опасения у многих политиков и экспертов. Однако, вопреки распространяемому прессой (особенно российской) мифу о китайской экспансии, этот обмен носит взаимный характер, и жители сопредельных с Китаем стран участвуют в нем не менее активно, чем китайские граждане. Так, например, число россиян, пересекающих китайско-российскую границу, сейчас заметно превышает число китайцев²⁷.

²⁷ См. Рыжова, Симутина 2007.

Гораздо более опасным представляется то обстоятельство, что базары, бартер и челноки способствуют формированию особой формы теневой приграничной экономики — трансграничного «народного рынка»²⁸. Отсюда — коррупция, рост контрабанды и трансграничной преступности, на которые обращают внимание многие исследователи²⁹. Вместе с тем следует отметить, что такое положение вещей во многом связано с неразвитостью институциональной базы трансграничного взаимодействия в сопредельных с Китаем странах, в частности в России, что неизбежно ведет к преобладанию неформальной экономической деятельности над институционализированной.

²⁸ Подробнее см. Рыжова 2003.

²⁹ См., в частности, Xiaosong, Wotack 2000.

Необходимость упорядочения «народной торговли» сегодня осознается и Китаем, и его партнерами. Об этом свидетельствует, в частности, постепенный переход к системе взаимных расчетов в национальных денежных единицах. Вплоть до самого последнего времени расчеты между участниками приграничной торговли осуществлялись исключительно в свободно конвертируемой валюте, что весьма

затрудняло легальный перевод денег с одной приграничной территории на другую. В 2002 г. между Центральным банком РФ и Народным банком Китая было подписано соглашение, допускавшее использование в межбанковских расчетах по приграничной торговле национальных валют. Площадкой для «банковского эксперимента» была выбрана зона Хэйхэ—Благовещенск, а в 2006 г. он был распространен и на другие территории, прилегающие к российско-китайской границе. Начиная с 2007 г. аналогичный эксперимент проводится на китайско-вьетнамской границе. В соответствии с рамочным соглашением, заключенным между двумя отделениями Промышленного и коммерческого банка Вьетнама (в Лоа Цхай и Мунь Цхай) и двумя отделениями Промышленного и коммерческого банка Китая (в Пинсяне и Дунсине), эти отделения будут проводить взаимные расчеты как в китайских юанях, так и во вьетнамских донгах и обмениваться экономической, финансовой и та-моженной информацией³⁰.

³⁰ *SinoCast*.
27.02.2007.

* * *

Как показывает проведенный выше анализ, основными элементами китайской политики «открытых дверей» в приграничных городах являются:

- нормализация политических отношений с сопредельными странами, заключение межгосударственных торгово-экономических соглашений, повышенное внимание к инфраструктурным проектам;
- создание благоприятного психологического климата на приграничных территориях, в том числе посредством пропаганды опыта южных провинций;
- стимулирование взаимодополняемости (ввоз сырья, вывоз потребительских и промышленных товаров), создание условий для развития промышленности, ориентированной на удовлетворение спроса жителей приграничных регионов сопредельных стран;
- поддержка любых, в том числе неинституционализированных, форм торговли, если они работают на решение поставленных задач.

Политика «открытых дверей» осуществлялась по общим стандартным технологиям, либо наработанным в свободных зонах прибрежного Китая, либо «исторически отобранным» хозяйственной практикой, которые адаптировались к местным нуждам и специфике. Наиболее удачные «новации», успешно проведенные локальные эксперименты изучались и использовались в других провинциях.

Сейчас этот опыт распространяется вширь — многочисленные малые населенные пункты, где открыты таможни либо созданы простейшие приграничные торговые зоны, повторяют отработанные технологические решения; открываются новые рынки; продолжает углубляться трансграничная взаимодополняемость, отражающая приоритеты китайской стороны. К сожалению, Россия пока не может предложить

решений, сопоставимых по эффективности с этой грамотной стратегией развития периферийных регионов. Каждый дальневосточный регион либо изобретает свой «велосипед», либо просто следует в фарватере «китайского корабля», а федеральные власти беспокоит разве что неконтролируемая миграция...

Библиография

- Амурская область в цифрах.** 2007. Ч. I. — Благовещенск.
- Внешнеэкономическая деятельность организаций Хабаровского края.** 2007. — Хабаровск.
- Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой.** 2001. (http://www.nasledie.ru/politvne/18_14/article.php?art=15).
- Заседание Государственного совета Российской Федерации «Об опыте деятельности Государственного совета РФ по обсуждению основных вопросов внутренней и внешней политики, обеспечению единства государственной власти и развитию федерализма».** 26 августа 2005 г. (<http://www.kremlin.ru/text/stcdocs/2005/08/92828.shtml>).
- Интервью с бывшим послом России в КНР И.Рогочевым** (www.amur.info).
- Ларин В.Л.** 2000. Дальний Восток в фокусе китайской политики // *Вестник ДВО РАН.* № 2.
- Минакир П.А.** 2001. *Системные трансформации в экономике.* — Владивосток.
- Минакир П.А.** 2006. *Экономика регионов. Дальний Восток.* — М.
- Пань Цюаньфу.** 2006. Некоторые размышления по поводу стратегического взлета китайско-российского торгово-экономического сотрудничества // *Сибирские исследования.* Т. 3. № 3. (На китайском языке.)
- Портяков В.Я.** 2002. *Экономические реформы в Китае (1979—1999).* — М.
- Рыжова Н.П.** 2003. Приграничная «народная торговля» в Благовещенске как форма китайско-российского симбиоза // *Диаспоры.* № 2.
- Рыжова Н.П., Симутина Н.Л.** 2007. Российско-китайская граница: отчужденная — сосуществующая — взаимозависимая? // *Полития.* № 3.
- Савкович Е.** *Проекты экономической интеграции Китая и Казахстана* (www.apn.kz/publications/article5501.htm).
- Северо-Восточный Китай на рубеже XX—XXI вв.** 2005. — Владивосток.
- Сунь Хуэйцзюнь.** 2002. Китайско-российская народная торговля на примере рынка Ябаолу // *Проблемы Дальнего Востока.* № 1.
- Beijing Zhongguo Xinwen She (China).** 2003.
- Green E.E.** 1986. China and Mongolia. Recurring Trends and Prospects for Change // *Asian Survey.* Vol. 26. № 12.

- Hekou** — Gateway to Southeast Asia. 2005 // *China Today*. July.
- Scalpinio R.A.** 1991. China's Relations with It's Neighbors // *Proceeding of the Academy of Political Science*. Vol. 38. № 2.
- Scalpinio R.A.** 1991/1992. The United States and Asia: Future Prospects // *Foreign Affairs*. Winter.
- Seekins D.M.** 1997. Burma-China Relations: Playing with Fire // *Asian Survey*. Vol. 37. № 6.
- Simon D.F.**, Hong Pyo Lee (eds.) 1995. *Globalization and Regionalization of China Economy: Implication for the Pacific Rim and Korea*. — Sejong.
- SinoCast**. 2007.
- Womack B.** 1994. Sino-Vietnamese Border Trade. The Edge of Normalization // *Asian Survey*. Vol. 34. № 6.
- Xiaosong G.**, Womack B. 2000. Border Cooperation between China and Vietnam in the 1990s // *Asian Survey*. Vol. 40. № 6.
- Zha Yanyu.** 1992. Change of Regional Economic Development Policy in China // *Chinese Geographical Science*. Vol. 2. № 1.